«Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное».
(Матф. 19:14)

«О детство! Ковш душевной глуби!»
Б. Пастернак

СВЕЧЕЧКА

С мамой или с ребятами?

Около нашей дачи был огромный участок, отгороженный забором от тихой лесистой просеки. Мы, дети, целыми днями бегали по участку среди елок и кустов, играли, валялись в травке и оглашали окрестность звонкими голосами. Нас было семеро. Мама и хозяйка дачи были за нас спокойны, они знали, что мы никуда не денемся. Иногда нам разрешалось выходить на просеку, там мы играли в городки, волейбол или носились до упаду в «салки мячом».

Однажды к соседнему дому подъехала лошадь, запряженная в телегу, на которой привезли мешки с кормом для скотины. Пока хозяева сгружали поклажу, уносили куда-то далеко мешки, мы взобрались на телегу, мечтая на ней прокатиться. Хозяин лошади был добрый и не протестовал.

Ребятишки восторженно уселись, каждый хотел взять в руки вожжи, все спорили и шумели.

– А куда мы поедем? – спросила я. – А когда вернемся? – В соседнее село, Серково, а вернемся часа через два, прибежим назад пешком, – ответили дочки хозяев. – А если нас хватятся, будут искать? – не унималась я. – Надо предупредить маму, чтобы она не беспокоилась.

– Ну, вот еще выдумала! Пожалуй, еще не отпустят! Да они и не заметят нашего отсутствия! – закричали ребята.

– Нет, надо спросить разрешение, – спорила я. – Быстро сбегаю домой и скоро вернусь...

– Ждать тебя не будем, уедем, – неслось мне в ответ. Однако я стала слезать с телеги, зацепилась подолом и измазалась колесной грязью. Рванулась вперед и вырвала целый клок из подола.

Белое пышное платьице с голубыми цветами было в этот день надето мною в первый раз. Его только что сшила мне моя милая мамочка.

– Сидела б смирно, а то вот тебе! – смеялись мои братишки. Огорченная, не оглядываясь назад, бежала я домой. А вслед мне неслись крики:

– Не ходи, не спрашивай, а то нас не пустят! Я влетела в кухню, где мама готовила обед.

– Мамочка, милая, прости, я порвала новое платье, запачкала чем-то черным и липким. Я за телегу зацепилась. Мы все хотели прокатиться, а я поспешила слезть, чтобы предупредить тебя, – сквозь слезы докладывала я.

Мама выглянула в окно, за которым уже громыхала телега. Послышались восторженные крики детей.

– Укатили! Ну, спасибо тебе, доченька, что прибежала ко мне, – утешала меня мама, целуя. – Не плачь! У меня ведь есть кусочки материала, я зашью платьице. Пойди, переоденься, дорогая моя.

Я умылась и обняла мамочку. «Какая у меня добрая мама! А я еще ведь колебалась, идти ли мне ее предупреждать, чтобы она не беспокоилась о нас», – думала я.

Н. Соколова

Миг, только миг...

Внук, которого я когда-то учил ходить, незаметно вырос. Вытянулся, стал выше меня, но не хочет учиться ходить пред Богом. Скажешь ему что-нибудь, а он гордо отвечает: – Ладно, разберемся. Он с собой на «вы».

Вечерами внук часто гулял с товарищами. Мы с бабушкой никогда не отпускали его без благословения, которое он снисходительно принимал. Вообще-то он неразговорчив, но однажды вернулся взволнованный и рассказал такую историю.

Дом был уже недалеко. Улица пустынна: ни людей, ни машин. Осталось только перейти трамвайные пути – и вот он, родной двор. И вдруг – ба-бах! Перед самым его носом упала бутылка, брошенная каким-то пьяным с четвертого этажа, и разбилась вдребезги! Еще немного – и она угодила бы ему в голову.

Миг... Всего миг отделял его от гибели, всего полшага... Внук огляделся. Наверху продолжали пировать. Вокруг – никого. Кто помог бы ему? Да и можно ли было помочь? Но кто-то дал парню этот спасительный миг.

Теперь, перед тем, как выйти из дома, он говорит как бы невзначай:

– Ну, я пошел! Это значит: благословите, бабушка и дедушка. И стоит пряменько. Уже на «вы» с благословением.

Выучим наизусть

Воскресенье

Мы с сестренкою вдвоем
В воскресенье в храм пойдем.
Помолюсь я в храме
О сестре и маме.

И о папе помолюсь,
До земли я поклонюсь,
«Помоги нам, Боже!» -
И Господь поможет.

Татьяна Шорохова